

УДК-328

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-34-43

ПАРТИЙНАЯ ДИСЦИПЛИНА ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ: ФАКТОР ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А. С. Шустров

Шустров Александр Сергеевич, аспирант,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: asshustrov@hse.ru (ORCID: 0009-0004-9355-0737. ResearcherID: LKJ-5605-2024).

Аннотация

Институциональные факторы считаются одними из важнейших при рассмотрении деятельности законодателей в легислатурах. В качестве главного объясняющего механизма выступает теория о конкурирующих принципалах, предполагающая вариации в поведении депутатов в зависимости от типа избирательной системы, в рамках которой последние избираются в парламент. Анализируется партийная дисциплина депутатов Государственной Думы РФ VI и VII созывов на основании данных о поименном голосовании. Предыдущие исследования партийной дисциплины в российском парламенте не дали однозначных результатов, а современные работы сосредоточились на неинституциональных факторах. В связи с этим главный вопрос статьи – влияют ли такие институциональные факторы, как тип избирательной системы, на деятельность депутатов в Государственной Думе. Изменение законом 2014 г. типа избирательной системы с полностью пропорциональной на смешанную представляет собой естественный эксперимент, дающий возможность использовать метод каузального анализа «разность разностей» (difference-in-differences). Использование квазиэкспериментального дизайна позволяет перейти от описания взаимосвязей к обоснованным предположениям о причинно-следственных связях. Результаты исследования свидетельствуют о том, что депутаты, избранные в рамках одномандатных округов, демонстрируют меньшую партийную дисциплину по сравнению с депутатами, прошедшими в законодательный орган по спискам. Полученные выводы дают основание формулировать и проверять более сложные гипотезы для уточнения знаний о том, какие институциональные факторы оказывают влияние на деятельность депутатов в современном российском парламенте.

Ключевые слова: законодательная деятельность депутатов; партийная дисциплина; избирательная система; Государственная Дума РФ; конкурирующие принципалы; поименное голосование; естественный эксперимент; разность разностей.

Макрополитические эффекты различных дизайнов избирательных систем, такие как количество политических партий, стабильность правительства, электоральная конкуренция, поведение избирателей, давно находятся в фокусе внимания политологов. Тем не менее только в недавнее время у исследователей появился интерес к изучению взаимосвязи между электоральными институтами и непосредственным поведением законодателей. При этом основная часть исследований посвящена функционированию этого механизма в странах с демократическими институтами, в то время как электоральные авторитарии являются наиболее распространенными авторитарными государствами в современном мире (Brancati, 2014). Это обуславливает необходимость изучения законодательного поведения депутатов в странах как с демократическими, так и с недемократическими режимами. Исследователи последних ушли от мнения, что законодательные собрания в авторитариях представляют собой просто «фасады», лишенные какого-либо содержания, вследствие чего их изучение лишено смысла (Williamson & Magaloni, 2020). На самом деле внутри таких легислатур происходят процессы, представляющие интерес для рассмотрения (Noble, 2020; Trueh, 2020).

В политической науке также сложилось конвенциональное представление, что отличия в избирательных правилах влияют на законодательную деятельность парламентариев. Для депутатов, избирающихся по пропорциональной избирательной системе, есть веские стимулы следовать партийной повестке и быть более дисциплинированными по двум причинам. Во-первых, поскольку их избрание зависит от популярности их партии в целом, для них важно следовать позиции партии. Во-

вторых, потому что их выдвижение и позиционирование в партийном списке также целиком зависит от партии. С другой стороны, при мажоритарной системе у кандидатов меньше стимулов следовать партийной линии, поскольку их шансы на переизбрание зависят от настроений избирателей округов, которые они представляют. Напротив, у парламентариев больше стимулов представлять локальные интересы, которые зачастую могут быть противоположны партийной линии, что, однако, не означает, что депутаты-одномандатники всегда будут игнорировать партийные интересы (Thames, 2001). Эмпирические подтверждения в основном были получены на чистых типах избирательных систем: либо на полностью мажоритарных, либо полностью пропорциональных (Morgenstern & Swindle, 2005), однако такие подходы с трудом дают возможность отследить причинно-следственные связи правил вследствие того, что институциональные различия могут быть обусловлены и другими факторами, трудными для измерения, например политической культурой и историческим наследием (Olivella & Tavits, 2014: 301). Второй подход измеряет различия в законодательном поведении после резкой смены избирательных правил с пропорциональной на мажоритарную систему или наоборот (Gherghina & Chiru, 2014). В этом случае в изменениях в поведении могут вмешиваться факторы, которые и побудили изменения в избирательных институтах. Третий, на наш взгляд, более продуктивный подход – измерение различий между законодательным поведением депутатов, избирающихся по разным избирательным правилам, в рамках одной страны, то есть в рамках смешанной избирательной системы (Rich, 2014).

В литературе предпринимались попытки выяснить, имеют ли место подобные различия в партийной дисциплине в российском парламенте, и, если Ф. Темс обнаружил различия в поведении депутатов, основываясь на исследовании поименных голосований по проектам бюджета (Thames, 2001), другая группа авторов (Haspel et. al., 1998) не нашла существенных расхождений между одномандатниками и «списочниками». Кроме того, что авторы пришли к различным выводам, валидность результатов этих работ не совсем удовлетворяет нас в настоящее время еще и потому, что они были написаны в начале 2000-х гг. на эмпирическом материале середины 1990-х гг. С тех пор российская политическая система претерпела значительные изменения, в том числе влияющие на законодательное поведение депутатов. Во-первых, во второй половине 90-х гг. российская партийная система еще не была полностью сформирована: имели место большое количество независимых депутатов, неустойчивость и неоформленность партий, а также возможность депутатов менять фракционную принадлежность без сдачи мандата, что позже было запрещено. Во-вторых, проведенные реформы и появление «Единой России» в качестве партии власти сильно изменили партийную систему России. В частности, из-за необходимости «национализации» партийной системы, то есть повышения роли Государственной Думы как представителя общенациональных интересов, а не сугубо региональных, укрупнения и стабилизации партий, а также повышения партийной подотчетности депутатов в 2005 г. была проведена реформа, заменяющая смешанную систему на пропорциональную (Макаркин, 2009). По мнению части исследователей и публицистов, итогом данных реформ и политических процессов, происходящих в стране, стало уменьшение роли Государственной Думы как самостоятельного политического актора и фактическое превращение ее в проводника решений, спущенных исполнительной властью. Если это так, то можно предположить, что различий между законодательным поведением депутатов, избранных по разным избирательным правилам, не существует. Тем не менее вопрос остается открытым и есть основания полагать, что в действительности различия в законодательном поведении депутатов, зависящие от типа мандата, все же существуют.

В данной работе мы тестируем эту гипотезу, используя метод разности разностей (difference-in-differences). Выбор метода был обусловлен, во-первых, наличием подходящего естественного эксперимента, связанного со сменой полностью пропорциональной избирательной системы на смешанную в результате реформы в феврале 2014 г. Во-вторых, метод разности разностей является методом каузального анализа, что позволяет перейти от описания взаимосвязей между типом избирательной системы и партийной дисциплиной к обоснованным выводам о наличии причинно-следственных связей между этими явлениями.

Партийная дисциплина и избирательные системы

Литература о законодательном поведении депутатов строится на том, что различные избирательные системы создают разнообразные стимулы для депутатов, которые и формируют их поведение. В то же время достижение их целей напрямую зависит от принципов. Принципы в литературе по партийному поведению определяются как политические субъекты, от которых непосредственно

зависит номинирование депутата, результаты выборов и карьерное продвижение. В качестве главных принципов в первую очередь рассматриваются партийное руководство с одной стороны, и избиратели – с другой. Хотя принципами могут выступать и другие типы агентов, такие как губернаторы, гражданское общество или лоббистские группы, мы сосредоточимся на избирателях и партийном руководстве. Депутат, переизбрание которого зависит от избирателей округа, имеет стимулы представлять локальные интересы, поскольку, если избиратели ориентируются на результаты деятельности законодателя, а последний не представляет их интересы, у них будут веские стимулы «штрафовать» законодателя за его поведение.

Пропорциональная система, с другой стороны, дает большую вариативность в стимулировании депутатской деятельности. В основе этого различия лежит идея, что контроль руководства партии над законодателем определяется ее властью над формированием списка кандидатов на следующих выборах. В общем случае руководству партии, которое контролирует ранжирование имен в партийном списке, выгодно выдвигать на первые позиции тех кандидатов, которые были солидарны с общей позицией партии, в то время как наименее согласным стоит предоставлять наименее предпочтительные места (Carroll & Nalepa, 2020). С одной стороны, пропорциональные избирательные системы с открытым списком культивируют так называемый феномен личного голоса (Shugart & Carey, 1995). В системах с открытым партийным списком избиратели могут ранжировать или отдавать предпочтения тому или иному кандидату в списке, поэтому в его интересах создать личную репутацию, которая позволит ему достичь более хороших результатов, чем у его однопартийцев. В то же время пропорциональные избирательные системы с закрытым списком предоставляют большие возможности контроля над поведением законодателей для партийного руководства, поскольку место в партийном списке кандидатов напрямую зависит от последнего.

Несмотря на то, что депутат-одномандатник также зависит от партийных ресурсов, он все же больше зависит от предпочтений избирателей своего округа. В случае, если законодатель демонстрирует низкую партийную дисциплину в условиях пропорциональной избирательной системы, он рискует вообще не быть номинированным на выборах либо получить такое место в списке, которое не гарантирует ему попадание в законодательный орган (Norris, 2004). Эти суждения описывают центральную идею о конкурирующих принципах, которая гласит, что наличие более чем одного источника влияния на законодательное поведение депутата приводит к снижению партийного единства и, соответственно, партийной дисциплины (Carey, 2007).

Партийная сплоченность как мера того, насколько сильно отличаются позиции представителей партии при поименном голосовании, впрочем, обеспечивается не только описанными рычагами давления партийного руководства. Кроме этого, она может обеспечиваться как идеологической близостью законодателей внутри партии или фракции, так и контролем за повесткой, выносимой на обсуждение или голосование. Партийная сплоченность крайне важна для законодательной деятельности партий и фракций, поскольку она определяет возможность блокировать или принимать политические решения, а значит, участвовать в направлении властных полномочий и сдерживать обещания, данные избирателям (Bowler & Farrell, 1999). Кроме того, если партия не может обеспечить партийную сплоченность и голосование не отвечает той позиции, которая представлена на ее партийной платформе, то для избирателя становится менее важна партийная идентичность, а на первое место выходит индивидуальное голосование (Carey, 2007). В этом смысле партийная дисциплина каждого отдельного законодателя определяется как степень, в которой он при голосовании ориентируется на позицию той партии или фракции, к которой он принадлежит. Поскольку мы предполагаем, что большинство членов той или иной партии или фракции будет голосовать в соответствии с тем, как голосует партийное руководство (это может быть как ориентация непосредственно во время голосования, так и в ходе внутрипартийных обсуждений), мы будем считать партийной линией ту позицию, за которую проголосовало большинство представителей фракции или партии.

При этом важность партийной дисциплины для разных парламентов не одинакова и зависит от правила принятия решений. В парламентах, где нужно набрать относительное большинство голосов, чтобы принять или отклонить решение, то есть получить большее количество голосов, чем противоположная позиция, каждый голос важен для победы. В этом случае «воздержался» или «не голосовал» будет наносить партии ущерб, в то время как за или против, отданые вопреки партийной линии, будут наносить еще больший ущерб партии. В то же время в парламентах, где для принятия решения требуется абсолютное большинство голосов от всех депутатов парламента (обычно 50 % плюс один голос для обычных законопроектов или решений), голоса за, против, «воздержался» и «не голосовал» примерно одинаковы для результатов. В этой конфигурации за будет соответствовать партий-

ной дисциплине, если партия добивается принятия решения, в то время как три остальных варианта будут работать прямо против, поэтому «не голосовал» в системах с абсолютным большинством будет всегда соответствовать голосу против по своему вкладу в результат голосования (Carey, 2007), но не всегда – сути.

Есть важные содержательные обоснования, объясняющие, почему стоит учитывать «не голосовал» как голос законодателя против (Rich, 2014). Есть основания полагать, что депутаты в определенных случаях воздерживаются от голосования против, когда они действительно хотят проголосовать против. Вместо этого они не голосуют за определенный законопроект, и электронные системы регистрации голосования засчитывают в качестве результата «не голосовал». Такое поведение может объясняться тем, что, несмотря на желание депутата проголосовать против, есть существенные репутационные риски в связи с таким голосованием по резонансным законопроектам. В таком случае депутат скрывает свои истинные намерения. Это также может являться формой протesta (Центр политической конъюнктуры, 2019). Кроме того, партийному руководству неголосование будет выгоднее, чем открытый голос против, поскольку это позволяет скрыть расколы внутри партии (Carey, 2007). Даже несмотря на эти содержательные замечания в пользу учета таких случаев, не все авторы включают голоса «не голосовал» в свой анализ (Sieberer, 2010). Данный подход не является идеальным, поскольку для некоторых депутатов и их голосов учет неголосования как голоса против будет справедливо, однако для других ситуаций это будет не так. Тем не менее неприятие во внимание неголосования будет игнорировать часть важной информации, содержащейся в голосованиях депутатов. Вдобавок к этому существуют подходы (Haspel et. al., 1998), позволяющие если не полностью решить данную проблему, то значительно нивелировать, что может быть реализовано в дальнейших исследованиях российского парламента. С обоснованием, почему стоит учитывать голос «воздержался», дело обстоит немного проще, если речь идет о парламентах, в которых решения принимаются абсолютным большинством (Государственная Дума является таковым) членов парламента. Чтобы достичь принятия решения, нужно набрать определенное количество голосов за, и поэтому любой другой голос препятствует этой цели.

Существуют различные трактовки того, что считать партийным большинством (или партийной линией). Часть авторов считают партийным большинством медианный голос по определенному законопроекту (Rich, 2014), часть – 50 % и больше (Olivella & Tavits, 2014), часть рассчитывает корреляцию (Haspel et. al., 1998), а кто-то более 50, но не более 75 % голосов (Thames, 2001). В настоящей статье будет использоваться три порога для определения партийного большинства: 70, 75 и 80 %. На наш взгляд, выбранный интервал представляется наиболее удачным с учетом включения в зависимую переменную «не голосовал», поскольку если повышать порог, то значение зависимой переменной будут сильно определять такие голосования, где в действительности «не голосовал» не будет означать против, а также те голосования, где определенное количество депутатов от одной фракции прогуляли голосование. В то же время представляется, что порог, начинающийся с 50 %, включает в себя такие голосования, которые поляризовали мнения членов партии или фракции, а потому партийная линия в таких случаях неочевидна.

Данные и метод

В 2005 году был принят законопроект, который отменял смешанную систему и устанавливал полностью пропорциональные выборы в Государственную Думу. Подобным способом избиралась Государственная Дума VI созыва: депутаты избирались по пропорциональной системе закрытого списка. В 2014 году был подписан закон, возвращающий смешанную избирательную систему, и уже в 2016 г. 225 депутатов избирались по мажоритарной избирательной системе, 225 – по пропорциональной закрытого списка. Также есть группа депутатов, которая присутствовала в обоих созывах Государственной Думы (VI и VII созыве). Исходя из этого, у нас есть группа депутатов, которая присутствовала в VI и VII созывах Государственной Думы, одна часть из которой в Государственную Думу VII созыва избиралась по пропорциональной избирательной системе, а вторая часть – по мажоритарной. Таким образом, у нас есть квази-экспериментальные данные, для анализа которых подходит метод «разность разностей» (difference-in-differences).

В базовой спецификации модель выглядит следующим образом:

$$y_{i,t} = \beta_0 + \beta_1 * Period_t + \beta_2 * Group_i + \beta_3 * Period_t * Group_i + \epsilon_{i,t},$$

где Group – дамми-переменная для контрольной и экспериментальной групп (0 – для депутатов, продолживших избираться по партийным спискам, и 1 – для депутатов, сменивших тип избрания на одномандатный округ); Period – дамми-переменная для временного периода до и после смены избирательной системы (0 – для периода до смены системы, то есть 2011–2016 гг., 1 – для периода после смены системы, то есть 2016–2021 гг.); индекс «*i*» означает конкретного депутата, а индекс «*t*» – временные периоды до и после воздействия (Седашов, 2021).

В качестве контрольной переменной также была выбрана фракционная принадлежность депутата. Как отмечается, реже всего против голосуют представители «Единой России» (Центр политической конъюнктуры, 2019), поэтому можно ожидать, что депутаты оппозиционных партий будут проявлять меньшую партийную дисциплину.

Мы будем оценивать модели 1, 2 и 3, в которых кодировка зависимой переменной соответствует разным порогам партийного большинства – 70, 75 и 80 %. Кроме того, мы учитываем результат «не голосовал» в связи с описанными выше соображениями. Кодировка поименного голосования на предмет отклонения от партийной линии происходила следующим образом. Для начала устанавливался порог партийного большинства. Если большинство депутатов (в соответствии с выбранным порогом) из фракции парламентария проголосовали за, а он проголосовал против, воздержался или не голосовал, то этот голос считается отступлением от партийной линии. Верно и обратное: если результаты голосования большинства его однопартийцев – против, «воздержался» или «не голосовал», а парламентарий проголосовал за, это также считается отступлением от партийной линии. Для каждого депутата мы считаем количество таких голосов за отдельный созыв, а после считаем, какой процент таких голоса составляют от всего количества голосов за отдельный созыв. Таким образом, во-первых, зависимая переменная может принимать значение от 0 до 100; во-вторых, чем выше значение зависимой переменной, тем ниже партийная дисциплина отдельного депутата (поскольку увеличивается количество голосов, которые противоречат партийной линии).

Данные поименного голосования были собраны с сайта Государственной Думы РФ. Они имеют панельную структуру, поскольку для каждого депутата, который присутствовал в VI и VII созывах Государственной Думы, у нас есть два наблюдения (за оба созыва). Итого в контрольной группе оказалось 148 депутатов, в экспериментальной – 86. Размер всей выборки, таким образом, составил 234 депутата.

Результаты

С полученными результатами можно ознакомиться в табл. 1. Результат оказался устойчивым для разных порогов партийного большинства – мажоритарный мандат повышает процент голосов, которые были отданы вопреки партийной линии. Во всех трех моделях переменная взаимодействия Convocation*Group, отвечающая за смену депутатом избирательной системы с пропорциональной на мажоритарную на выборах в ГД VII созыва, статистически значима как минимум на 5%-ном уровне. Эффект оказался не очень большой, но ощутимый. Он составляет около 2 % при среднем значении зависимой переменной от 4 до 5 % (в зависимости от ее операционализации) по всей выборке за оба периода. Интересно, что статистическая значимость переменной, отвечающей за различия между депутатами-одномандатниками и депутатами-«списочниками» в области партийной дисциплины, повышается вместе с повышением порогового значения партийного большинства. Нужно, однако, понимать, что повышение порогового уровня сокращает количество законо-проектов и иных решений, которые были размечены для депутата как те, при голосовании за которые он отступил от партийной линии. В связи с этими рассуждениями и традицией в литературе по партийной дисциплине оптимальной стоило бы выбрать модель с пороговым значением 70 %. Мы также видим, что вопреки ожиданиям фракционная принадлежность к оппозиционным партиям не прошла проверку на устойчивость при повышении порогового значения, хотя оценка коэффициента для КПРФ в моделях с 70%-ным и 75%-ным пороговым значением является статистически значимой, а в модели с 80%-ным порогом она имеет пограничное значение статистической значимости. Если все же ориентироваться на модель с 70%-ной значимостью, как более теоретически обоснованную, то мы видим, что принадлежность к фракции «Справедливой России» повышает процент таких голосов примерно на 2, а к КПРФ примерно на 2,4.

Таблица 1
Оценки регрессионных моделей, %

<i>Переменная</i>	<i>Модель 1</i>	<i>Модель 2</i>	<i>Модель 3</i>
Созыв	6.7295*** (0.551)	5.6591*** (0.514)	4.5366*** (0.476)
Группа	-0.5352 (0.668)	-0.6956 (0.623)	-0.8808 (0.577)
Созыв * Группа	1.8437* (0.909)	2.2601** (0.847)	2.6691** (0.785)
СР	2.0401* (0.862)	0.9986 (0.803)	-0.1057 (0.745)
ЛПДР	0.7936 (0.682)	0.3435 (0.636)	-0.3207 (0.590)
КПРФ	2.3998*** (0.639)	1.2160* (0.596)	-0.0392 (0.552)
Константа	1.0832* (0.459)	1.3034** (0.428)	1.5749*** (0.396)
Количество наблюдений	468	468	468
R-квадрат	0.402	0.366	0.329

Стандартные ошибки в скобках

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

Вместе с тем можно предположить, что на высокие показатели зависимой переменной влияет такой фактор, как пропуск депутатами заседаний парламента (Центр политической конъюнктуры, 2019). Чтобы проверить это, мы исключаем из анализа те наблюдения, для которых значение зависимой переменной больше 15 % в любом из двух рассматриваемых созывов Государственной Думы. В этих моделях мы используем те же пороговые значения для партийного большинства. В зависимости от порогового значения количество исключенных из выборки депутатов варьируется от 20 до 38, в связи с чем мы исключаем от 40 до 76 наблюдений (поскольку на каждого депутата у нас есть два наблюдения). Результаты представлены в табл. 2.

Мы видим схожую картину. Различие между депутатами-одномандатниками и депутатами-списочниками все так же статистически значимо, хотя эффект стал немного скромнее – в среднем различия в партийной дисциплине составляют около 1,5 %. Эффект мандата от КПРФ также на самом высоком пороговом значении находится на пограничном значении статистической значимости. Небольшое отличие лишь в том, что на 70%-ном пороговом значении партийного большинства эффект мандата от ЛДПР также становится статистически значимым.

Таблица 2
Оценки регрессионных моделей, %

<i>Переменная</i>	<i>Модель 4</i>	<i>Модель 5</i>	<i>Модель 6</i>
Созыв	4.8864*** (0.346)	4.2325*** (0.340)	3.6063*** (0.322)
Группа	-0.4247 (0.419)	-0.5411 (0.415)	-0.7018 (0.397)
Созыв * Группа	1.2186* (0.570)	1.6207** (0.565)	1.7138** (0.540)
СР	1.8869*** (0.535)	1.1265* (0.534)	0.0179 (0.517)
ЛДПР	0.8965* (0.409)	0.4023 (0.413)	-0.3631 (0.399)
КПРФ	1.5667*** (0.418)	1.6549*** (0.390)	0.6259 (0.366)
Константа	1.0209*** (0.286)	1.1401*** (0.284)	1.3960*** (0.269)
Количество наблюдений	392	414	428
R-квадрат	0.516	0.460	0.401

Стандартные ошибки в скобках

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

В целом результаты ожидаемы по нескольким причинам. Во-первых, исходя из сложившейся теории, мы предполагали, что депутаты, избранные по мажоритарной избирательной системе, будут менее дисциплинированы по сравнению с депутатами, избранными по пропорциональной системе закрытого списка, из-за того, что их принципалом также становятся местные избиратели.

Во-вторых, это связано и с самой конфигурацией сил в российском парламенте. «Единая Россия» обладает таким количеством мест в парламенте, которое необходимо ей для принятия любых обычных решений или законов (не берем в расчет те решения, для которых требуется квалифицированное большинство). Такая ситуация может снижать мотивацию руководства оппозиционных партий затрачивать усилия на дисциплинирование депутатов-одномандатников, потому что для принятия решений, по которым эта партия солидарна с позицией «Единой России», ей хватит голосов самой «Единой России», а в случае необходимости и части своей. Для принятия же решения, против которого выступает «Единая Россия», ей не хватит голосов даже в совокупности с другими оппозиционными партиями. Это подтверждает то, что по сравнению с «Единой Россией» («Единая Россия» выбрана в качестве референтной категории в моделях) у оппозиционных партий уровень дисциплинированности депутатов в среднем ниже. Кроме того, мы видим существенное снижение партийной дисциплины в Государственной Думе VII созыва, даже несмотря на решение штрафовать депутатов, пропускающих заседания без уважительной причины, на что косвенно указывает, что в моделях статистически значима переменная, отвечающая за фиксированный эффект VII созыва Государственной Думы (уровень партийной дисциплины снижается примерно на 4–5 %). В Государственной Думе VI созыва «Единая Россия» имела не такое большое преимущество в количестве мандатов: 238 при 226 необходимых для принятия решения голосах, что заставляло руководство «Единой России» мобилизовывать голоса депутатов, входящих во фракцию. В Государственной Думе следующего со-

зыва «Единая Россия» занимала уже 343 места, что могло снижать партийную дисциплину уже среди представителей «Единой России».

В-третьих, на партийную дисциплину депутатов-одномандатников влияет еще один фактор, который не был упомянут ранее: их «безопасность» в округе (Ferrara, 2014). Если избранный кандидат столкнулся с сильным соперником в своем округе, он будет менее уверен в своем переизбрании на следующих выборах. По этой причине у него есть стимулы подкорректировать свое голосование таким образом, чтобы надеяться на благосклонность партийного руководства к его номинации и хорошему расположению в списке, то есть не нарушать партийную дисциплину. Эти стимулы должны усиливаться вместе с увеличением сопротивления депутату со стороны других кандидатов на выборах. Однако, как показывает Р. Туровский (Turovsky, 2018), для российского парламента в среднем разрыв между победителем и кандидатом, занявшим второе место, в одномандатном округе неукоснительно растет и для VII созыва достигает отметки примерно 33. Это говорит о том, что избранные депутаты-одномандатники чувствуют себя достаточно безопасно, а потому у них нет жестких стимулов следовать партийной линии по этой причине.

Обсудим основные ограничения исследования. Первое и главное ограничение состоит в том, что не совсем обосновано предположение о параллельности трендов. Чтобы быть уверенными в причинно-следственных связях, необходимо сравнить динамику партийной дисциплины контрольной и экспериментальной групп в период VI созыва Государственной Думы (например, динамику агрегированной по годам партийной дисциплины). Вторым ограничением, несмотря на содержательное обоснование такого выбора, является включение результата «не голосовал» как голоса против, поскольку, как отмечалось выше, для некоторых голосов и депутатов такое включение будет справедливым, в то время как для других – нет. Третье ограничение состоит в допущении каузальной модели Рубина (Rubin, 1980), а именно «допущения о стабильности эффекта воздействия на объект», или stable unit treatment value assumption – SUTVA. Как отмечается, в смешанных системах, предоставляющих возможность выдвигаться одновременно в одномандатном округе и по партийному списку, поведение депутатов, предполагающих возможность попасть в парламент в рамках любого из типов избирательной системы, может не соответствовать текущему типу избрания (Carey, 2000). Соответственно, при такой ситуации депутат может испытывать не чистое воздействие типа избирательной системы, а смесь различных стимулов, мотивируя выбирать более нейтральную стратегию поведения.

Заключение

В статье исследуется влияние избирательных систем на партийную дисциплину депутатов Государственной Думы. Мажоритарные и пропорциональные избирательные системы с закрытым списком создают разные стимулы для депутатов, потому что их переизбрание зависит от разных принципов: от локальных избирателей и партийного руководства соответственно. Предполагается, что вследствие этого депутаты, избранные по мажоритарной системе, будут в меньшей степени следовать партийной линии, чем депутаты, избранные по пропорциональной системе закрытого списка. Российский парламент удобен для проверки наших гипотез относительно взаимосвязи избирательных систем и партийной дисциплины. Во-первых, избирательная система на выборах в Государственную Думу в настоящее время является смешанной, что позволяет обойти проблему значимых пропущенных переменных, которые неизбежно возникают при рассмотрении парламентов разных стран и периодов. Во-вторых, смена избирательной системы с полностью пропорциональной на смешанную в 2014 г. представляет собой естественный эксперимент, удобный для использования квазиэкспериментального дизайна исследования, являющегося достаточно редким для данной области политической науки. Используя квазиэкспериментальный метод разности разностей, который повышает внутреннюю валидность исследования и при соблюдении определенных допущений позволяет говорить о наличии причинно-следственных связей, мы проанализировали данные о партийной дисциплине депутатов Государственной Думы VI и VII созывов. Результаты свидетельствуют, что избрание депутата по мажоритарной избирательной системе уменьшает его партийную дисциплину. Обнаруженное влияние оказалось небольшим, но ощутимым, что соответствует другим исследованиям партийной дисциплины депутатов российского парламента (Kunicova & Remington, 2008; Thames, 2005; Thames, 2001).

Список литературы / References

- Макаркин, А. В. (2009) ‘Партийная система современной России и начало кризиса’, *Неприкосновенный запас*, 1(63) [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/1/partijnaya-sistema-sovremennoj-rossii-i-nachalo-krizisa.html> (дата обращения: 4 марта 2022). [Makarkin, A. V. (2009) ‘The Party System of Modern Russia and the Beginning of the Crisis’ [Partijnaja sistema sovremennoj Rossii i nachalo krizisa], *Neprikosnovennyj zapas*, 1(63) (In Russ.) [Online]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/1/partijnaya-sistema-sovremennoj-rossii-i-nachalo-krizisa.html> (Accessed 4th March 2022)].
- Седашов, Е. А. (2021) ‘Методы каузального анализа в современной политической науке’, *Политическая наука*, 1, сс. 98–155. [Sedashov, E. A. (2021) ‘Methods of causal analysis in modern political science’ [Metody kauzal'nogo analiza v sovremennoj politicheskoy nauke], *Political Science (RU)*, 1, pp. 98–155. (In Russ.)].
- Центр политической конъюнктуры (2019) ‘Бездействующая Дума’ [Электронный ресурс]. URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/vybory-2021/bezdeystvuyushchaya-duma/> (дата обращения: 21 марта 2022). [Centr politicheskoy konjunktury (2019) ‘Inactive Duma’ [Bezdejstvujushhaja Duma] (In Russ.) [Online]. Available at: <https://cpkr.ru/issledovaniya/vybory-2021/bezdeystvuyushchaya-duma/> (Accessed 21st March 2022)].
- Bowler, S., Farrell, D. M. and Katz, R. S. (1999) *Party Discipline and Parliamentary Government*. Columbus: The Ohio State University Press.
- Brancati, D. (2014) ‘Democratic Authoritarianism: Origins and Effects’, *Annual Review of Political Science*, 17, pp. 313–326. DOI: 10.1146/annurev-polisci-052013-115248
- Carey, M. J. (2000) ‘Parchment, Equilibria, and Institutions’, *Comparative Political Studies*, 33(6-7), pp. 735–761. DOI: 10.1177/001041400003300603 EDN: JRCDOT
- Carey, M. J. (2007) ‘Competing Principals, Political Institutions, and Party Unity in Legislative Voting’, *American Journal of Political Science*, 51(1), pp. 92–107. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2007.00239.x
- Carroll, R. and Nalepa, M. (2020) ‘The personal vote and party cohesion: Modeling the effects of electoral rules on intraparty politics’, *Journal of Theoretical Politics*, 32(1), pp. 36–69. DOI: 10.1177/0951629819892336 EDN: YZIWYR
- Ferrara, F. (2004) ‘Frogs, Mice and Mixed Electoral Institutions: Party Discipline in Italy’s XIV Chamber of Deputies’, *Journal of Legislative Studies*, 10, pp. 10–31. DOI: 10.1080/1357233042000322454
- Gherghina, S. and Chiru, M. (2014) ‘Determinants of legislative voting loyalty under different electoral systems: Evidence from Romania’, *International Political Science*, 35(5), pp. 523–541.
- Haspel, M., Remington, T. and Smith, S. (1998) ‘Electoral Institutions and Party Cohesion in the Russian Duma’, *Journal of Politics*, 60(2), pp. 417–439. DOI: 10.2307/2647916 EDN: EPZXMN
- Kunicova, J. and Remington, T. (2008) ‘Mandates, parties and dissent. Effect of electoral rules on parliamentary party cohesion in the Russian State Duma, 1994–2003’, *Party Politics*, 14(5), pp. 555–574. DOI: 10.1177/1354068808093390
- Morgenstern, Sc. and Swindle, S. (2005) ‘Are Politics Local? An Analysis of Voting Patterns in 23 Democracies’, *Comparative Political Studies*, 38(2), pp. 143–170. DOI: 10.1177/001041404271081 EDN: JRCHQX
- Noble, B. (2020) ‘Authoritarian amendments: Legislative institutions as intra-executive constraints in post-Soviet Russia’, *Comparative Political Studies*, 53(9), pp. 1417–1454. DOI: 10.1177/0010414018797941 EDN: VEZYFT
- Norris, P. (2004) *Electoral Engineering. Voting Rules and Political Behavior*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511790980
- Olivella, S. and Tavits, M. (2014) ‘Legislative Effects of Electoral Mandates’, *British Journal of Political Science*, 44(2), pp. 301–321. DOI: 10.1017/S0007123412000828
- Rich, T. (2014) ‘Party Voting Cohesion in Mixed Member Legislative Systems: Evidence from Korea and Taiwan’, *Legislative Studies Quarterly*, 39(1), pp. 113–135. DOI: 10.1111/lsq.12035

- Rubin, D. (1980) ‘Randomization Analysis of Experimental Data: The Fisher Randomization Test Comment’, *Journal of the American Statistical Association*, 75(371), pp. 591–593. DOI: 10.2307/2287653
- Shugart, M. and Carey, M. J. (1995) ‘Incentives to Cultivate a Personal Vote: a Rank Ordering of Electoral Formulas’, *Electoral Studies*, 14(4), pp. 417–439.
- Sieberer, U. (2010) ‘Behavioral Consequences of Mixed Electoral Systems: Deviating Voting Behavior of District and List MPs in the German Bundestag’, *Electoral Studies*, 29, pp. 484–496. DOI: 10.1016/j.electstud.2010.04.012
- Thames, F. (2001) ‘Legislative Voting Behaviour in the Russian Duma: Understanding the Effect of Mandate’, *EUROPE-ASIA STUDIES*, 53(6), pp. 869–884. DOI: 10.1080/09668130120078531
- Thames, F. (2005) ‘A House Divided: Party Strength and the Mandate Divide in Hungary, Russia, and Ukraine’, *Comparative Political Studies*, 38, pp. 282–303. DOI: 10.1177/0010414004272526 EDN: XOCDZR
- Truex, R. (2020) ‘Authoritarian gridlock? Understanding delay in the Chinese legislative system’, *Comparative Political Studies*, 53(9), pp. 1455–1492.
- Turovsky, R. (2018) ‘Institutionalization versus personalization: electoral effects of the mixed-member electoral system in Russia’, *European Politics and Society*, 19(5), pp. 595–622. DOI: 10.1080/23745118.2018.1492197 EDN: WTNJCC
- Williamson, S. and Magaloni, B. (2020) ‘Legislatures and Policy Making in Authoritarian Regimes’, *Comparative Political Studies*, 53(9), pp. 1525–1543. DOI: 10.1177/0010414020912288 EDN: CLPJBB

Статья поступила в редакцию: 11.11.2024
Статья принята к печати: 15.01.2025

PARTY DISCIPLINE OF THE RUSSIAN STATE DUMA DEPUTIES: ELECTORAL SYSTEM FACTOR

A. Shustrov

Alexander Shustrov, PhD Student,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
E-mail: asshustrov@hse.ru (ORCID: 0009-0004-9355-0737. ResearcherID: LKJ-5605-2024).

Abstract

Institutional factors are important when considering deputies' legislative behavior. The main explanatory mechanism is the theory of competing principals, which suggests that deputies behave differently depending on the type of electoral system under which they are elected to parliament. The article analyzes party discipline of Russian State Duma deputies during the VI and VII convocations based on roll call vote data. Previous studies of party discipline in the Russian parliament have been inconclusive. Contemporary work has focused on non-institutional factors. The main question of the article is whether institutional factors such as the type of electoral system affect the legislative behavior of deputies in the Russian State Duma. The act of 2014, which changed the type of electoral system from fully proportional to mixed, is a natural experiment that provides an opportunity to use the difference-in-difference (DiD) method of analysis. The use of quasi-experimental design allows us to move from describing relationships to making reasonable assumptions about causal links. The study's findings indicate that deputies elected in single-mandate districts demonstrate less party discipline than deputies elected through party lists. The results provide a basis for formulating and testing more complex hypotheses to improve knowledge of what institutional factors influence deputies' legislative behavior in the modern Russian parliament.

Keywords: legislative behavior; party discipline; electoral system; Russian State Duma; competing principals; roll call vote; natural experiment; difference-in-difference.